

КОВАЛЕНКО Светлана Геннадьевна — кандидат исторических наук; научный сотрудник отдела социально-политических исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (690001, Россия, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 89, ostina@list.ru)

## УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ ЭЛИТА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В ЭПОХУ СИСТЕМНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ 1990-х: ЦЕННОСТНАЯ САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ КАК ВЗГЛЯД ИЗНУТРИ

**Аннотация.** В статье рассматривается спектр мнений правящей элиты Дальнего Востока относительно своей внутренней трансформации в эпоху кардинальных социально-экономических перемен. Автор анализирует позиции указанной социальной группы, основываясь на теории Р. Миллса. В статье сделан вывод, что реальная ситуация на Дальнем Востоке, а также жизнь и благополучие людей во многом зависят от самоидентификации элиты. Особенно это проявилось в кризисные моменты «лихих 90-х», когда возможности для реализации стратегий выживания были ограничены.

**Ключевые слова:** элита, Дальний Восток, трансформация, управление, регион, эпоха Б.Н. Ельцина, кризис

Особую роль в кризисном социуме России 90-х гг. XX в. играли ценностные ориентации тех личностей, которые относились к властвующей региональной элите. Понимание своего «я», мотивов и побуждений — ключ к решению многих личных проблем в моменты общественного выбора. Самоидентификация элиты на кризисных этапах развития общества и государства имеет колоссальное значение. Именно поэтому вопрос ценностной самоидентификации советской элиты во времена «лихих 90-х» остается чрезвычайно актуальным и по сей день. Ведь ключевая роль в любых точках бифуркации (выбора) дальнейшего развития общества принадлежит элитам. Это происходит вовсе не потому, что к ним относится самая активная, профессионально подготовленная и компетентная часть общества. Исторический опыт показывает, что все вышеназванное с лихвой компенсируется доступом к властным ресурсам, при этом наличие упомянутых качеств вовсе не является обязательным.

От того, какой выбор делает указанная социальная группа в целом и каждый ее представитель в отдельности, во многом зависит организация жизни всех остальных групп населения. Шанс «простых людей» выжить в сложных, меняющихся условиях, когда все структуры советской системы были уже разрушены, а новые властные отношения находились в процессе своего формирования фактически до начала нулевых годов, напрямую зависел от самоидентификации элиты и, как следствие, от ее практических действий.

Кардинальные социально-экономические трансформации в жизни страны, инициированные перестройкой, привели Россию к совершенно новому витку государственного развития. Но это мало отразилось на составе региональной элиты. Теория Р. Миллса и российские методологические исследования обосновывают тезис о единой властвующей элите, а не о «распылении власти» [Миллс 2007; Боков 2008; Ашин 2003].

На региональном уровне управленческой системы деятельность местных элит была особенно значима в «лихие 90-е». Такие устойчивые факторы российского политического пространства, как централизация и персонализация власти, культурная зависимость территорий от «столичной» политической жизни, слабость негосударственных субъектов политики, зависимость средств информации от власти, делали региональную элиту ведущим игроком на местной политической арене [Афанасьев 1996; 1998].

Страх людей за свое настоящее и будущее, потеря управляемости на всех уровнях позволили правящей элите, в т.ч. и региональной, сосредоточить в своих руках большой объем властных полномочий. Вопрос заключался только в том, как ими воспользоваться — либо попытаться действовать вопреки обстоятельствам, либо плыть по течению, объясняя свою некомпетентность, бездействие и злоупотребления наличием «объективных обстоятельства», «отсутствием ресурсов» и т.д.

Наше исследование проводилось методом глубинного интервью, во время которого респондентам были заданы вопросы о том, как они идентифицировали себя в кризисный момент российской истории.

Было проведено 25 гайд-интервью с управленцами разного уровня во Владивостоке, в ходе чего удалось выявить ценностные установки элиты в эпоху кардинальных перемен.

Особое внимание уделялось составу респондентов. Возраст младшего участника 60 лет. Автор сознательно выбрал старшую возрастную группу, т.к. методология исследования предполагает, что к моменту начала перестройки человек должен был проработать в советской системе не менее 20 лет на различных должностях и намерен был продолжать продвижение по карьерной лестнице в дальнейшем, если бы не масштабные перемены в идеологии, экономической и политической жизни СССР.

Все участники опроса были предупреждены заранее о характере интервьюирования. В ходе беседы выяснилось, что никто из респондентов не готовился к ней заранее. Так как встречи происходили благодаря личным знакомствам автора, никто не выразил удивления по поводу откровенного характера задаваемых вопросов. Наоборот, как сказал один из респондентов, «если есть честный вопрос, то будет и честный ответ».

Определяющим в самосознании респондентов являлось то, что «советская закуска» (термин одного из интервьюированных) объединяла «нас всех». На вопрос: «Что означают для вас эти слова?» — собеседники объяснили, что практически все, кто был управленцем к началу 1990-х гг., прошли очень похожий путь во власть и «исповедовали одну систему ценностей».

Очень важно отметить: во-первых, в ходе беседы выявился ряд общих базовых мировоззренческих установок по вопросу самоидентификации. Все участники опроса отметили, во-первых, что они остались коммунистами, причем большинство из них (18 чел.) подчеркнули, что соотносят себя с «ортодоксальным марксизмом», 7 также высказались в поддержку марксистских взглядов, но, по их мнению, это учение потребовало с определенного времени совершенно другого отношения: «Марксизм в советское время плохо теоретически развивался, застыл, особенно при Суллове, отсюда и большинство проблем нашей страны. Все при Брежневе застыло, а это неправильно».

Во-вторых, «недостаточно одной перестройки, чтобы перестать быть марксистом», «большинство людей в мире понимают, что марксизм верно анализирует все происходящие экономические процессы и никто капитализма не отменял, а вопросы собственности играют сейчас, как и во все времена, ключевую роль. Чем более напряженной будет обстановка в мире, тем больше будет интерес к марксизму».

Таким образом, самоидентификация всех опрошенных, несмотря на мировоззренческий кризис в обществе, в первую очередь осталась марксистской. Для них это политическое учение олицетворяет собой прежде всего идею социальной справедливости, т.к. «если один владеет собственностью, а другой ничего не имеет, то ни о какой социальной справедливости не может быть и речи. <...> Одни всегда для других будут “быдлом”, никогда не будет равных возможностей». Все

респонденты подчеркнули, что хотя первые лица края, города и государства в советское время пользовались своими должностными преференциями, «но, во-первых, им лично ничего не принадлежало, а во-вторых, таких денег и имущества, какие есть теперь у государственных чиновников высокого ранга, тогда вообще не было ни у кого».

Что касается научного понимания марксистского учения, то здесь только один опрошенный последовательно мог объяснить его ключевые понятия и философскую основу. Будучи доктором технических наук, этот респондент написал книгу, где при помощи математического аппарата доказал правоту Маркса.

Для всех остальных, как выяснилось в ходе беседы, подобные научные выкладки не представляют большого интереса. Фактически 50% респондентов не отрицают существования бога, т.е. по сути не являются материалистами. Однако это вовсе не мешает им причислять себя к марксистам. Как выразилась одна из женщин, «очень много схожего между идеей справедливого общества в христианстве и марксизме. Недопустимо, чтобы одни купались в роскоши, а другие умирали с голоду. Марксизм предлагает путь построения справедливого общества».

Все опрошенные, в отличие от творческой интеллигенции, сохранили свои партийные билеты, т.к., по общему мнению, никто из них в советское время «не сделал ничего плохого».

Все респондентки подчеркнули, что женщина в капиталистическом обществе подвергается большей дискриминации. (Это при том, что 8 из 10 опрошенных женщин занимают в современной капиталистической России руководящие посты, 2 ушли на пенсию и возглавляют общественные организации.)

Важной составляющей самоидентификации, по мнению всех опрошенных, является личная позиция относительно истории страны. Фактически все социальные проблемы, присущие сегодняшнему общественному устройству (которое характеризовалось как «оголтелый капитализм», «государственно-монополистический капитализм», «рыночный беспредел» и т.д.), приписываются неправильному выбору пути развития России. Целью любого государства должно быть справедливое общественное устройство. В большинстве ответов сознательно подчеркивался тот факт, «что большинство высокоразвитых капиталистических государств у себя увеличивают долю общественной собственности», в то время как «мы опять идем впереди планеты всей, и государство все меньше отвечает за что-либо, а создавалась собственность в советское время всеми. Почему сейчас дивиденды должен получать один процент населения?».

Для советской управленческой культуры характерным было не получение соответствующего образования, а приобретение основательного руководящего опыта, опыта «практической управленческой деятельности». Это подчеркивали все респонденты: «Мы получали образование, в т.ч. и управленческое, в процессе практической работы. Это было важно, но лучше, когда управленцу в практике жизни не хватает знаний, а не вариант обремененности никому не нужным интеллектуальным мусором».

По мнению автора, высокая социальная адаптация опрошенных во время кризиса связана с теми управленческими навыками, которые последовательно воспитывала в элите советская система набора кадров: компетентность (в рамках возможного), умение решать задачи через личные связи, видение ситуации, поддержка дружеских отношений со всеми участниками управленческого процесса и т.д.

По мнению же всех опрошенных, именно их марксистские взгляды позволили им не только выживать в «лихие 90-е», но и с успехом отвечать за «тех, кого мы приручили». К «тем» относились, помимо семьи и близких, коллективы предприятий, которыми респонденты руководили в переломную для России эпоху, что

всегда давалось очень нелегко. Так, один из опрошенных высказался следующим образом: «Я создал в городе первое акционерное предприятие, так как понимал, что в тех условиях за такой формой собственности будущее. Когда город возглавил второй секретарь городского комитета КПСС В. Ефремов, я пришел к нему и попросил сделать из государственного предприятия какое-нибудь ООО. Акции получили мои работники. Во времена перестройки власти не было. Все хотели получать услуги на халяву.

Я оказался частником, который никому не подчиняется и не может быть наказан даже мэром. Когда пришел Черепков, который вообще никому ни за что не хотел платить, этот шаг спас наше предприятие. После того, когда мы, 15 руководителей, прождали нового мэра около четырех часов, стало ясно: денег не будет, выживайте как хотите. На забастовку поднялось спецавтохозяйство. Весь город сразу зашумел. Все были за нас. Говорил народ: «Отдайте рабочим деньги, и в городе снова будут тишина и порядок». Рабочие объявили забастовку, перекрыв федеральную трассу. Против Черепкова стояло более тысячи людей. Сто машин, сцепленных тяжелыми тросами друг с другом. В центре — ГАЗоны и ЗИЛы, по внешней окружности — КАМАЗы. Все было сделано по принципу установки гуситских повозок во времена антифеодальных войн в Чехии... У нас были подозрения, что Черепков, как военный, для устрашения коллектива договорился с танкистами воинской части провести учения у лагеря стачечников, и их танки всю ночь утюжили Горностаи [бухта, где была перекрыта федеральная трасса]. Мы вынуждены были для их отражения подготовить старенькие мусоровозы, которые пришлось бы бросить под танки в случае заезда на нашу территорию. Но до этого дело не дошло. Мы дождались момента, когда Черепкова вынесли на носилках из коридоров власти, и наше предприятие продолжило работать, как и врачи, учителя и вообще весь город».

Достаточно откровенный контекст разговора позволил выявить неформальные управленческие практики в критических условиях 90-х гг. Все опрошенные признали сложную обстановку: «Все сотрудничали с бандитами. Вы же прекрасно понимаете, что город и край были поделены на зоны влияния. Я, например, давал машины, но никогда не платил деньгами. Очень многие платили, но с бандитами во многом было проще договориться в то время, чем с официальной городской властью». Другая респондентка подчеркнула: «Весь бизнес был под криминалом. Но они понимали, что овец стригут, а не режут. Если не будет бизнеса, не будет и прибыли. Кто-то погиб при разделе собственности, но с ними правила игры всегда были прозрачны, о власти этого не скажешь. Можно было сохранить свое предприятие и бизнес. Если тебя не хотели видеть в бизнесе, тебя об этом предупреждали заранее. Ты мог уйти, если не хотел бороться и не видел в этом смысла».

Две женщины прямо заявили, что сохранять хорошие отношения необходимо было со всеми, но часто это не представлялось возможным. Очень много проблем было с налоговыми органами, т.к. законодательство было очень несовершенным и каждый мог подсчитать налоги, «как бог на душу положит». У «криминальных структур все было прозрачнее».

Семеро опрошенных вообще заявили, что «свято место пусто не бывает: если нет власти государственной, значит, будет власть бандитская. Вообще, если не вступать в разборки, худо-бедно прожить было можно». Один из них выразился откровеннее: «Вот сейчас банки дают кредит под 30% годовых, под 20% дают только своим постоянным клиентам, а под 10% не дают вообще. Я же с «уважаемыми людьми» договорился, взял деньги и сказал им: «Ребята, под 10% стабильно, если пойдет прибыль, то под 15%». Свое слово я сдержал. Они тоже ко мне претензий не имели».

Другой (заведующий кафедрой одного из владивостокских вузов) откровенно

рассказал о следующем: в самый пик «хозяйственной неразберихи мы с командой отправляли танкеры с нефтью на Камчатку, у нас и цены были ниже, но в определенный момент это стало очень опасно. В других вопросах можно было договориться, в этом нет».

Фактически все 25 человек пережили сложное время 90-х гг. без особенного ущерба для своего социального статуса, но ни один из опрошенных не сказал, что поддерживал кардинальные перемены в стране. Ностальгия по советскому времени присутствует у всех. «Редко кто из нас, управленцев советского времени, стал олигархом, возможно, потому, что все места разобрали москвичи, но я убежден, что олигархами стали в первую очередь те, кто придумал перестройку, для того чтобы легализовать накопленные капиталы. Этого советская власть им бы никогда не позволила. Была жесткая партийная вертикаль. Даже при Брежневем было не обойти некоторых вещей. Народ всегда ожидает большего. Если бы кто-либо сказал, через какое время придется пройти, никто бы Горбачева и не поддержал».

Три респондентки пережили времена 90-х в закрытых локальных сообществах, где «не было такого обвала, как во Владивостоке». «Я была в Ванинском районе начальником управления культуры, — говорит одна из них. — 50 000 население района. Мы помогали друг другу. В то время и народ нам доверял. И самое главное — люди, приехавшие в Ванино, не стреляли. Вообще ванинское сообщество — и власть, и люди — смотрели на многое одинаково. Вот, например, ГКЧП. Получили мы телеграмму. Собрались администрация и депутаты. Не поддерживали. Честно выступили и сказали об этом. Все правильно поняли, что в такое сложное для страны время нужно думать, как выбираться из экономического кризиса. Была резолюция. Было трудно. Ведь никто не знал, как ситуация развернется. Во многом такая позиция объяснялась тем, что в Ванино жила интеллигенция, еще со времен репрессированных и переселенных в 30-е гг. Культура тогда, конечно, как и все остальное, была без денег, но мы работали на энтузиазме. Организовали, например, выставку работ Рериха и провезли эту коллекцию по всему Дальнему Востоку. То есть, мы выжили за счет того, что были во многом в стороне от всеобщего развала».

Только один из опрошенных высказал другое мнение и положительно охарактеризовал перестройку и М.С. Горбачева: «Я бы лично Горбачеву поставил памятник, система все равно рухнула бы. Варианты развития событий были. Но для этого нужна или жесткая политическая воля и поэтапное изменение советской системы, как, например, в Китае, или через лет 10–15 все равно бы произошли аналогичные события. Мы просто благодаря Михаилу Сергеевичу окунулись в реформы раньше. Другое дело, что все ожидали лучшей жизни, а ее нет до сих пор. Хотя средний срок реформ в той же Англии 8–12 лет. Маргарет Тэтчер справилась за 8, хотя ее никто не любил, но целей своих она достигла».

В большинстве бесед подчеркивалось, что мы, т.е. все население страны, другие. «У нас нет либеральных ценностей. Все больше коллективное мышление и собранность. Это совсем не плохо. Посмотреть, какие проблемы на Западе, такое впечатление создается, что мы-то как раз и выживем. Сейчас многие соотечественники приезжают обратно в Россию, пока таких немного, но этот процесс будет набирать обороты, так как на Западе кризис не просто идеологический, а мировоззренческий. Мы же возрождаемся. Просто многие нас специально критикуют, так как слабое государство многим выгодно». И в продолжение этой мысли: «Да, в 90-е был провал, практически вся промышленность была уничтожена, но мы получили очень дорогой ценой бесценный урок. В России возможно все только при сильном государстве, еще бы это государство приструнило особенно рьяных чиновников, которые “не по чину берут”. Должны быть ограничения в



той же зарплате. Кроме того, в советское время, если человек заваливал работу, то его и не продвигали, а сейчас, если он делится с вышестоящими, то может совсем ничего не делать».

Признавая, что жизнь в условиях нестабильности 90-х гг. была чрезвычайно непредсказуемой, и мужчины, и женщины выделяют ключевой фактор — способность адаптироваться к новым условиям жизни и подчеркивают, что она является для человека насущной потребностью в любых новых процессах.

Большинство настаивали на том, что все не могут аккомодироваться одинаково. Данный процесс зависит от характера и жизненных устремлений человека. «Женщины вообще более приспособлены к жизни. Исключение составляют мужчины-управленцы. Среди них никто не опустил руки в трудные времена, а другие категории сильного пола плыли по течению, пока их жены вытягивали свои семьи».

В целом общее мнение опрошенных сводится к тому, что управленцы стали одной из самых активных социальных групп в эпоху перестройки. «Если ты привык работать в советское время, а ситуации были разные, то и в эпоху перемен ты сумеешь выжить и вытянуть за собой других. Ну не может человек, никогда не принимающий самостоятельных решений, адекватно вести себя в моменты кризиса. Ко мне, когда все это началось, приходили рабочие и спрашивали: “Как мы теперь будем?” Частично если не удалось все сохранить, то моя роль заключалась в том, чтобы смягчить наиболее острые моменты. Примерно процентов 30 работников я лично помогал трудоустроить, еще процентов 20 ушли на пенсию, когда нечем было платить зарплату, остальные пережили времена развала и вместе с предприятием дождались лучших времен».

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать вывод, что у всех опрошенных преобладает прагматичный подход к постперестроечному процессу. Самоидентификация представителей элиты носит ярко выраженный положительный и адекватный характер, и именно она помогла всем представителям советского управленческого слоя адаптироваться к стремительно меняющимся условиям жизни.

### **Список литературы**

Афанасьев М.Н. 1996. *Правящие элиты и государственность посттоталитарной России*. М.: Ин-т практической психологии; Воронеж: НПО «МОДЭК». 223 с.

Афанасьев М.Н. 1998. Формирование представительных собраний правящих региональных групп. — *Полис. Политические исследования*. № 4. С. 116-119.

Ашин Г.К. 2003. *Курс истории элитологии*. М.: МГИМО(У). 302 с.

Боков М.Б. 2008. Российская элита о месте и роли России в мире. — *Общественные науки и современность*. № 2. С. 4-17.

Миллс Р. 2007. *Властвующая элита*. М.: Директмедиа Паблшинг. 844 с.

KOVALENKO Svetlana Gennad'evna, *Cand.Sci. (Hist.)*, Research Associate of the Department of Social and Political Studies, Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of Far East, FEB RAS (89 Pushkinskaya St, Vladivostok, Russia, 690001; ostina@list.ru)

## THE MANAGERIAL ELITE OF THE FAR EAST IN THE ERA OF SYSTEMIC TRANSFORMATION OF THE 1990s: VALUE IDENTIFICATION AS AN INSIDE LOOK

**Abstract.** The article discusses the range of opinions of the ruling elite of the Far East about their internal transformation in the era of radical socio-economic changes. The author analyzes the position of this social group, basing on the theory of R. Mills. The article also focuses on the concept of identity. The author concludes that the real situation in the Far East, life and well-being of people largely depended on the identity of the elite. This is particularly evident in times of crisis in «freewheeling 90s», when the possibility to implement survival strategies were limited.

**Keywords:** elite, Far East, transformation, management, region, era of B.N. Yeltsin, crisis

---

УДК 327.58:94

ШИПИЛОВ Александр Владимирович — кандидат культурологии, докторант кафедры истории и культурологии Кыргызско-российского славянского университета (720000, Кыргызская Республика, г. Бишкек, ул. Киевская, 44; 4shipilov@gmail.com)

## РОССИЙСКИЕ СООТЕЧЕСТВЕННИКИ: ЭВОЛЮЦИЯ СТАТУСА, ВНИМАНИЯ И ПОНИМАНИЯ ПРОБЛЕМЫ

**Аннотация.** В статье рассматриваются непростые процессы складывания русского мира в постсоветский период, вопросы формирования понятия «соотечественники» как в научном, так и в законодательном аспектах, позитивный характер эволюции статуса соотечественников: от непонимания глубины проблемы до ее всестороннего осмысления как одной из важнейших, приоритетных концептуальных позиций внешней политики РФ.

**Ключевые слова:** диаспора, соотечественники, ближнее зарубежье, дальнее зарубежье, государственная политика, национальная безопасность, общественные объединения

Двадцатипятилетний период развития суверенных государств постсоветского мира позволяет проследить эволюцию складывания содержания термина «соотечественники». Не вдаваясь особенно в разброс дефиниций, рассмотрим процессы терминологизации этого понятия, сделав акцент на законодательной составляющей вопроса, хотя и в научной среде ему уделялось достаточное внимание. Так, спустя всего несколько лет после распада Союза, появляются исследования, в которых термин «соотечественники» еще не прослеживается, в большей мере ученые оперируют понятием «диаспора». Об этом свидетельствуют названия круглых столов, конференций, монографий и статей ученых, например статьи О.В. Котова «Осколки этносов» (Этнос и его подразделение, М., 1992); Н.Н. Лебедевой Русская диаспора или часть русского народа? (К проблеме самоопределения русских на Украине) (Русские в ближнем зарубежье, М., 1994); круглого стола «Этничность и диаспоральность» (М., 1997); сборников статей